

Монолог пианиста

Владимир

С

КРАЙНЕНЕВ

Коро поленка
и
подошва

Рубин

ББК 85.313(0)

К 78

Автор и издательство выражают
огромную благодарность

Евгению Баранкину, Илье Овчинникову и Михаилу Шаламову
за помощь в подготовке этой книги

В оформлении книги использованы фотографии из архива
семьи Владимира Крайнева

На обложке фотография Юрия Роста

К78 Владимир Крайнев

Монолог пианиста. Кого помню и люблю.

М.: Музыка, 2011. – 192 с., илл., компакт-диск.

ISBN 978-5-7140-1212-9

Это книга замечательного отечественного пианиста и педагога, ученика и продолжателя традиций Г. Нейгауза. Читателя ожидает увлекательное повествование о насыщенной событиями жизни, о победах на конкурсах и о творческих достижениях, о суровых реалиях жизни советского артиста, о друзьях, коллегах и о многом другом.

Для широкого круга читателей.

© Издательство «Музыка», 2011

© В. В. Крайнев, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ЖИЗНЬ

1. Детство. Первые шаги. Мама 9
2. ЦМШ. Анаида Степановна Сумбатьян и ее класс 18
3. Поступление в класс Генриха Густавовича Нейгауза. I Международный конкурс пианистов в Лидсе (1963) 26
4. Обучение у Генриха и Станислава Нейгаузов 39
5. II Международный конкурс пианистов имени Вианы да Моты в Лиссабоне (1964) 48
6. Победа на IV Международном конкурсе имени Чайковского (1970) и путь к ней 53
7. «Государственный» пианист: жизнь советского артиста 62
8. Моя жена Татьяна Тарасова, наш дом и наши друзья 70

СЦЕНА

9. От Америки до Японии 83
10. Дирижеры. Дмитрий Китаенко, Александр Дмитриев, Саулкус Сондецкис, Владимир Спиваков 93
11. Партнеры по сцене. Евгений Нестеренко, Карина Георгиан, Александр Рудин, Квартет имени Бородина 105
12. Композиторы. Дмитрий Шостакович, Альфред Шнитке и другие 115
13. Пианист на сцене и в студии: с оркестром, в ансамбле, соло 127
14. Фортепианный репертуар: вчера, сегодня, завтра 135

ПЕДАГОГИКА

15. «Педагогическая поэма» 143
16. Рождение интерпретации 153
17. Член жюри Конкурса имени Чайковского. Исполнительские конкурсы сегодня 158
18. Мои конкурс, фестиваль, фонд 167
19. Новая жизнь в Ганновере 178

У всего есть предел:
горизонт — у зрачка,
у отчаянья — память...
Только звук отделяться
способен от тела,
вроде призрака...

Иосиф Бродский

С Владимиром Крайневым меня связывает большая и многолетняя дружба. Мы объездили много стран, играли вместе в качестве солистов с ведущими симфоническими оркестрами Советского Союза. Володя также часто играл с *Виртуозами Москвы* под моим управлением. Это были концерты и поездки, которые проходили не только с огромным успехом, но также были наполнены необыкновенным юмором, весельем, взаимными шутками и розыгрышами.

Несмотря на то, что со мной выступали десятки исполнителей — от детей-вундеркиндов до мировых знаменитостей, Крайнев для меня как музыкант, как партнер был не просто надежен, владел уникальным мастерством и стилистическим разнообразием, он был мне близок по импровизационности своей исполнительской манеры, по нерву, которым всегда отличалась его игра. Я прожил с ним на сцене не одну счастливую минуту. Один из последних представителей нейгаузовской пианистической школы, Владимир Крайнев принадлежит к тем избранным исполнителям, кто, по словам Артура Рубинштейна, всегда «проливал каплю живой крови» на сцене.

Судьба не всегда была благосклонна к нему, но он был всегда честен по отношению к своему искусству.

Среди немногих безусловных подарков судьбы — это союз с Татьяной Тарасовой, великим тренером, благороднейшим человеком, для которого спорт стал искусством. А в искусстве, как известно, есть свои жрецы и свои жертвы. В творчестве и в жизни этих двух замечательных людей эти понятия часто совмещались.

Книга, которую читатель сейчас держит в руках, не столько объект литературного творчества, сколько искренняя исповедь музыканта. Владимир Крайнев не любит излишне философствовать. Он — профессионал, Мастер. Мастерство, как говорил Мейерхольд, — это когда «что» и «как» приходят одновременно. В книге все подчинено главному: тому, как постигались азы, а потом и вершины профессии им самим, и тому, как бережно он передает свой опыт, трепетное отношение к ремеслу музыканта-исполнителя своим ученикам.

На страницах своей книги Крайнев предстает не только как музыкант-профессионал. Надеюсь, читатель почувствует в авторе человека сильного, серьезного во всем, что касается профессии, и нежного, ироничного, с присущим только ему особым чувством юмора.

В последние годы Крайнев сместил акцент в своем творчестве с исполнительства на педагогику. И здесь он сделал очень многое, воспитав плеяду талантливых молодых пианистов, победителей многих международных конкурсов, что сегодня дает право справедливо говорить о «школе Крайнева».

И если звуки, отделившись от клавиш, становятся призрачными и со временем истаивают, как дорогие нам черты ушедших наших близких, то ученики Владимира Крайнева будут нести во времени неповторимость, радость и вдохновение от его уроков, печать его личности, тем самым подтверждая мысль Иосифа Бродского о том, что «время, столкнувшись с памятью, узнает о своем бесправии...»

Владимир Спиваков

ЖИЗНЬ

Я родился 1 апреля 1944 года в Красноярске. Там прошли первые десять месяцев моей жизни. Появился я на свет на левом берегу Енисея, где был роддом, а весь город располагался на правом. Когда нас с мамой выписали и на пароме переправили домой, оказалось, что дела мои плохи: я почти не дышал, произошло онемение всех конечностей, пропал голос. Мама, как она потом рассказывала, в отчаянии рыдала, разминала мне ручки и ножки, пела песни. Так продолжалось около трех месяцев, после чего кризис миновал. Как оказалось, за это время во мне накопилось столько энергии, что беглости пальцев хватило до шестидесяти лет.

1 мая 1945 года мы выехали из Сибири и в День Победы прибыли в Москву, где с семьей жил брат моей бабушки с маминой стороны. Там мы оставались недолго и вскоре переехали в Харьков, родной город мамы. Здесь обитала вся ее семья — мамыны родители, ее младшая сестра Мура, с которой они всю жизнь необычайно близки. Там же жили и шесть родных сестер дедушки — короче говоря, огромная семья, или, как говорят евреи, мишпуха.

Мама — самый родной мой человек; она посвятила мне всю свою жизнь. Недавно мы отметили ее юбилей — в 2008 году ей исполнилось девяносто лет. Полное имя мамы — Рахиль Моисеевна Гершойг, но все друзья нашей семьи зовут ее Илей. 21 июня 1941 года она окончила медицинский институт как педиатр и буквально на следующий день — 22 июня — пошла на переобучение. Через два месяца стала хирургом, а на фронт попала еще в июле. В самое страшное время, в октябре 1941 года, маму направили в Москву. Немцы были уже на подходе. Город, как она вспоминала, стоял пустой — все, кто мог, эвакуировались. А мамину дядю, крупному начальнику, было поручено остаться в Москве и уничтожать важные документы. Война для мамы закончилась досрочно, когда в 1944 году она поехала меня рожать в Красноярск. В то время мама уже была майором медицинской службы.

Два года мы прожили в Харькове. Я был очень шустрым ребенком: помню, когда мне в шесть лет купили велосипед, я выделывал на нем чудеса скорости. Бабушка не могла со мной справиться, поэтому мама не работала и полностью занималась мною. Позже, когда мне было четыре, мама вернулась в медицину, став детским врачом в поликлинике и больнице.

Когда я родился, мой отец еще не был демобилизован. Он оставался на службе и после 9 мая присылал нам открытки уже из Берлина. А потом вернулся, и мы втроем поехали во Владивосток — у отца было туда назначение. Мама стала там заведующей педиатрическим отделением в медучилище. У меня сохранилось

воспоминание: скос к морю, залив, натужно ревуший — будто хочешь подраться, — мотоцикл и каменный дом, который плывет по морю. На самом деле это был вовсе не дом, а крейсер, но мне он показался домом! Еще помню, как мы навещали с отцом его приятеля, и мне на хлеб намазали невероятной вкусноты и густоты мед. В то время это был невиданный деликатес.

Через год родители расстались: пока они не были вместе, у отца появилась другая женщина. Мама — человек очень гордый; может быть, если бы не ее характер, отец и остался бы с нами. Но она очень его любила и не пошла на компромисс: взяла меня в охапку, и мы вернулись в Харьков. После этого я видел отца еще дважды: один раз в Харькове — он приезжал оформлять документы на развод и пробыл часа полтора. Второй и последний раз — в 1970 году: сразу после победы на Конкурсе Чайковского я приехал выступать в Иваново, где он жил. Вышел на сцену, взглянул в зал и увидел... свое лицо, с одним лишь отличием: у него была огромная шевелюра, а я уже тогда начал терять волосы.

Больше мы не виделись. Был, правда, еще один — заочный — контакт. Когда в шестнадцать лет я должен был получить паспорт, встал вопрос о том, какую взять фамилию и отчество. Отцу послали запрос из милиции, и он подтвердил, что согласен дать мне свою фамилию. Сложнее дело обстояло с выбором национальности: по этому поводу разгорелись жаркие дебаты, на меня давили со всех сторон. Я рос в семье мамы, и записаться евреем было бы вполне естественно. Но в это время антисемитизм в Советском Союзе как раз достиг апогея, и мама сказала: «Ни за что! Ты — Крайнев Владимир Всеволодович, у тебя отец русский. Пусть так и будет в твоём паспорте».

В Харькове мы жили большой дружной семьей. Рядом с мамой была ее любимая младшая сестра Мура — Мария Моисеевна, ставшая и для меня близким человеком на всю жизнь. Году в 1950-м она вышла замуж за молодого человека, с которым дружила с пятнадцати лет. Он был моряком, и пока он служил, она ждала его. Когда он демобилизовался, они расписались и уехали в Кишинев, откуда он был родом. Позже там родилась моя двоюродная сестра Наташа. Я туда часто приезжал и в детстве, и в студенческие годы — на каникулы или если мне надо было за десять дней выучить программу. Когда мы с мамой оказались в Ганновере, Наташа решила тоже переехать сюда, а вслед за ней и Мура: теперь две сестры снова вместе.

Рассказывали, что еще в Красноярске я пел песни, которые звучали по радио — из черной «тарелки». Это были песни о том, как страна богатеет и живет все лучше. И я эти мелодии чуть ли не в десять месяцев лепетал — слух уже тогда был необыкновенный. Когда в Харькове у Муры собиралась студенческая компания, меня неизменно демонстрировали гостям: «Вовочка, спой».

И я пел самые популярные песни из новых кинофильмов и вообще все, что слышал.

Мама рассказывала и такой случай: еще до отъезда во Владивосток мы пошли в Парк имени Горького, мне почему-то надели платице. Играл духовой оркестр, и я начал раскачиваться, идеально попадая в ритм. А когда заиграли другую музыку, я тут же переменял ритм. Дирижер обратил на меня внимание, подошел к маме и сказал: «Вы знаете, вашу девочку надо учить музыке». «Во-первых, — ответила мама, — это не девочка, а мальчик. А во-вторых, конечно, знаю». Мама очень музыкальна, она обожала оперетту, песни Шульженко, Утесова, Козина... У нее был замечательный слух. Она сама пела и хорошо знала классическую музыку благодаря радио и концертам в филармонии, которые всегда посещала. Позже мы с мамой часто ходили и в Харьковскую оперную студию, где выступали замечательные певцы.

Наша семья жила в коммунальной квартире; комнату площадью 38 метров делили бабушка, дедушка, Мура, мама и я. Бок о бок с нами обитало еще восемь семей — всего тридцать семь человек! Сосуществовали мы почти идеально, лишь изредка случались маленькие ссоры. Об антисемитизме не было и речи, в нашей коммуналке торжествовал интернационализм: еврейские,

На фотографии военных лет Всеволод Николаевич Крайнев (слева во втором ряду), Иля Моисеевна Гершойг (справа)

русские, татарские, украинские семьи жили дружно. Огромная квартира, как и весь дом, раньше принадлежала сахарозаводчику Рахмалевичу. Когда-то ее можно было обойти, переходя из комнаты в комнату. Потом все эти двери, конечно, заколотили, зато остались четыре коридора. Мне в детстве они казались бесконечными. В конце одного из них находилась общая кухня, совмещенная с уборной и ванной; мылись по очереди.

Ел я тогда плохо: при моей подвижности мне было совсем не до еды. Это крайне огорчало моего дедушку — главного бухгалтера харьковского Треста ресторанов и столовых. Огромный мужчина, он зажимал меня между ног и говорил: «Вова, ты позоришь мои седины!».

Поскольку бабушке было со мной не справиться, а дедушка и мама работали, меня отдали в детский сад. Там было можно делать то, чего мне не разрешали дома: бегать, прыгать, кататься на велосипеде, играть в баскетбол. А еще там стояло пианино, и у нас регулярно проводились музыкальные занятия. Мы пели, плясали, отмечали календарные праздники, и я всегда оказывался в гуще событий. Мне было пять лет. Сейчас будущих пианистов в этом возрасте заставляют играть чуть ли не *Мефисто-вальс* или *Лунную сонату*, не задумываясь о том, что им делать дальше. А я обожал патефоны, песни Шульженко, Утесова, репертуар конца сороковых: все время пел, из меня буквально лились мелодии.

Мое музыкальное образование началось благодаря одной из наших соседок, Марии Мироновне. Она была доцентом Харьковской консерватории, преподавала концертмейстерское мастерство и занималась с вокалистами. У нее в комнате даже стоял рояль, хотя меня он нисколько не интересовал. В свое время Мария Мироновна училась вместе с Марией Владимировной Итигиной, уже тогда славившейся как талантливый детский педагог. При ее активном участии в 1943 году, сразу после освобождения Харькова, была создана средняя специальная музыкальная школа-десятилетка. Ее директором была Людмила Александровна Карпова — фронтовичка, решительная, смелая женщина.

Туда мы и пришли с мамой, когда мне было пять с половиной лет. Я спел песенку Розы Баглановой *Самара-городок* и романс *Как соловей о розе*, не зная, что его автор — Тихон Николаевич Хренников, с которым позже мы будем хорошо знакомы. Выглядел я как ангелочек, прибежал народ, меня попросили спеть еще раз. А вот нот я не знал: сесть к инструменту, как маленький Моцарт, и мгновенно заиграть — этого не умел. Мне сыграли нотку и попросили спеть — я идеально ее проинтонировал. «Нота ми», — сказали мне. «Ме», — старательно повторил я. Все расхохотались... и Мария Владимировна меня приняла в школу.

Нулевой класс начался с занятий по ритмике: мы пели, прыгали, маршировали. Для нас постоянно придумывали что-то

интересное, постепенно готовя к игре на фортепиано. Со мной занималась Виктория Лозовая — бывшая ученица Марии Владимировны, проходившая педпрактику. Занятия были три раза в неделю и длились минут по двадцать, затем по полчаса. Я умирал от счастья, мне страшно нравилось играть. Мама совершила невозможное — она почти сразу купила пианино *Блютнер*: у нее оставались деньги, собранные за время войны. Бабушка была в полном восторге от того, что могла регулярно натирать до блеска бронзовые подсвечники: пианино должно было сверкать — и действительно сверкало!

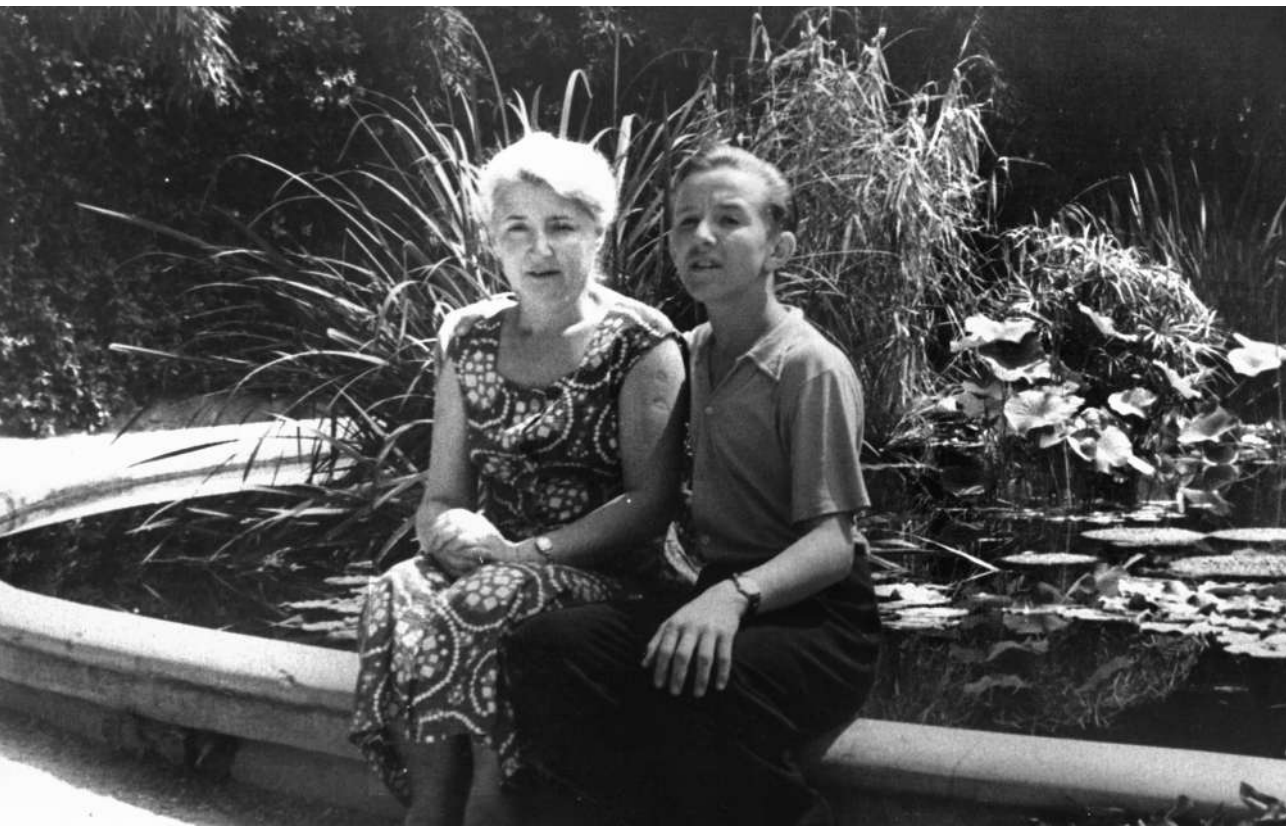
Моя первая полноценная пьеса — *Полюшко-поле* Льва Книппера. Ее я играл на приемном экзамене в первый класс, который сдал с шумным успехом. Меня объявили вундеркиндом, и началась школьная жизнь. Сразу после первого академического концерта, где я исполнял *Танец маленьких лебедей* Чайковского

и *Клоунов* Кабалевского, меня отобрали на следующий. Я мгновенно влюбился в сцену, как говорили: «Вове показать сцену — все равно что быку показать красное». При этом, перед выходом меня нередко находили в уборной. Как ни странно, одно не мешало другому: до концерта я жутко волновался, а на сцене это проходило, хотя слова «самообладание» я тогда не знал.

В 1954 году райком, а затем Харьковский обком КПСС приняли решение направить маму на целину. То, что она была фронтовиком, имела награды и одна воспитывала сына, в расчет не принималось. В школе мне выдали характеристику, где говорилось, что я талантлив, нуждаюсь в инструменте и профессиональном обучении. На нашего директора, Людмилу Александровну Карпову, кричали в обкоме: «Вы дали Гершойг в руки козырь!». Но ее было не испугать: «Характеристика не козырь, — спокойно отвечала она, — козырь ее сын». Маме грозили исключением из партии, тогда она сказала: «Для меня важнее всего воспитать сына. Вы можете забрать мой партбилет, если считаете нужным, но дали его мне не вы, а фронт».

Шла подготовка к празднованию десятилетия нашей школы. На торжественном вечере я должен был играть первую часть Концерта ре мажор Гайдна. Мне пришлось заниматься особенно тщательно, поскольку на вечер собирался прийти весь обком — надо было произвести впечатление! Концерт получился масштабным, наряду с учениками выступали выпускники школы из Москвы, Киева и других городов. Мне аккомпанировал школьный оркестр, дирижировал В. С. Михелевич — преподаватель класса скрипки. Когда я доиграл, началась орация. Двойной эффект произвело то, что я был маленький, худенький — обкомовцы даже стали спрашивать, не нужна ли нашей семье помощь. Меня оценили и на целину нас не послали, но три месяца борьбы не прошли для мамы даром: у нее был нервный стресс, и она проболела несколько недель.

Потом я выучил остальные две части концерта Гайдна и уже через год полностью сыграл его с симфоническим оркестром Харьковской филармонии под управлением Израиля Гусмана. На следующий год я готовил к академическому зачету Первый концерт Бетховена. Позже мы тоже сыграли его с Гусманом, это оказалось наше последнее выступление вместе. Тогда же состоялся мой первый клавирабэнд. Мне было уже одиннадцать, в первом отделении я играл Английскую сюиту ля минор Баха, *Патетическую* сонату Бетховена и одну из скрипичных сонат Моцарта с Таней Гринденко — кажется, ми-бемоль мажор. Во втором — два интермеццо Шумана и *Блестящие вариации* Шопена. Нам полагалось исполнять музыку украинских композиторов, и я играл также Сюиту Николая Сильванского — еще одного ученика Марии Владимировны Итигиной. Так постепенно увеличивался мой репертуар.

Школа располагалась в одном помещении с музыкальным училищем: они занимали по половине здания, а актовый зал был общий. В Харькове существовала замечательная традиция: солисты, приезжавшие с гастролями, встречались в этом зале с учениками и давали концерты специально для них. У нас играли Белла Давидович и Юлиан Ситковецкий — и дуэтом, и соло; беседовали с залом, отвечали на вопросы. Такая же встреча была с Яковом Флиером, хорошо знавшим всю нашу профессуру. Приезжали Глеб Аксельрод и Дмитрий Башкиров, меня показали им обоим. Я играл Сонату до мажор Моцарта, и Башкиров в восторге предлагал ее записать, закрепить эту детскую непосредственность: он полагал, что так, как в тот момент, мне не сыграть больше никогда.

Музыкальная жизнь Харькова была очень насыщенной: не Киев, а именно наш город считался музыкальной столицей Украины. В первую очередь это заслуга Израиля Гусмана, который еще с довоенных времен поддерживал контакт со многими солистами. Играть вместе с ним — или по его приглашению — приезжали Эмиль Гилельс, Давид Ойстрах, Яков Флиер, Леонид Коган, Яков Зак, Лев Оборин, Святослав Кнушевицкий, позже — молодой Мстислав Ростропович... Однажды приехала даже группа солистов из Англии: флейтист, гобоист, певец и с ними Джеральд

С мамой на отдыхе

Мур. Мы тогда не знали, что он знаменитейший концертмейстер, аккомпаниатор Элизабет Шварцкопф, Дитриха Фишера-Дискау и других выдающихся певцов. Хорошо помню эти концерты: мама водила меня в филармонию с шести лет, а с пятого класса я уже ходил туда самостоятельно.

В филармонии ежегодно проводились открытые концерты лучших учеников школы, а она воспитала многих ярких музыкантов. И виолончельный, и скрипичный класс были очень сильными: Валентин и Григорий Фейгины, Марк Варшавский, Татьяна Гринденко и многие другие — все они воспитанники нашей школы. Такие концерты проходили и на открытой площадке в Саду имени Шевченко. Я всегда там играл, поскольку считался звездой номер один харьковской школы. Но зазнайством никогда не отличался — мама была на этот счет очень строга. Если я изредка и пробовал задрать нос, она немедленно меня осаживала, иной раз даже чересчур.

Я рос нормальным хулиганом — в хорошем смысле: не то чтобы я на улице нападал на прохожих, просто мне всегда хоте-

лось во двор. Но до пятого класса нигде не бывал один: меня везде сопровождала мама или патронажная сестра из ее поликлиники. Нередко после школы я приходил к маме на работу и ждал ее или ходил с ней по вызовам. А дома мы сидели заниматься — музыкальной грамотой мама не владела, но объяснения учителей на моих уроках внимательно слушала и запоминала.

Мама всегда следила за тем, чтобы вместо занятий я не ушел играть в футбол или в гости к соседям: я был любопытен и любил бегать по всей квартире. Она постоянно внушала мне, что я на особом счету в Харькове. И я учился изо всех сил. Мне очень повезло — Мария Владимировна Итигина была замечательным преподавателем. Лучше нее детского педагога в нашем городе не было, если не считать Регины Самойловны Горовиц — родной сестры Владимира Горовица. Однако постепенно я начал понимать, что этого мало: еще Гусман говорил о том, что мне надо учиться в Москве.

Мама начала работать на полторы ставки без выходных и праздников, подрабатывать ночными дежурствами, чтобы пере-

ехать в столицу для моего дальнейшего обучения. Если наших уроков с Марией Владимировной мама почти не пропускала, то на занятия к Анаиде Степановне Сумбатьян в ЦМШ она заглядывала лишь изредка. А Генрих Густавович Нейгауз, к которому часто приходили мамы других студентов, даже удивлялся: «Почему я никогда не вижу твою маму?». Однако на этом этапе мама уже не считала возможным вмешиваться в мои занятия, внутреннее благородство ей не позволяло.

Я не преувеличил, сказав, что вся мамина жизнь была посвящена мне: с момента нашего отъезда из Владивостока и до сегодняшнего дня мы всегда вместе. Мы прожили друг с другом более шестидесяти пяти лет. За это время у нас, конечно, случались размолвки: особенно в пору моего юношества, когда я считал, что лучше мамы знаю как жить. А затем выяснялось, что мама во всем права — у нее был не только богатый опыт, но и жизненная мудрость, сохранившаяся и сегодня, когда ей девяносто два года.

ЦМШ. АНАИДА СТЕПАНОВНА СУМБАТЯН И ЕЕ КЛАСС

Начиная с пятого класса, один или два раза в год, меня возили в Москву показывать кому-либо из знаменитых педагогов. Однажды мы пришли к Александру Борисовичу Гольденвейзеру. Пока я ждал, за дверями кабинета огромный человек с длинными волосами что-то громко барабанил, так мне тогда показалось. Позрелев и осознав увиденное, я понял, что слышал молодого Лазаря Бермана: мне было лет двенадцать, ему двадцать шесть. Вероятно, он играл одну из сонат Листа — свой коронный репертуар. Я тогда всего этого не знал, помню только, что звучало шикарно, блестяще, ослепительно.

Когда я был в шестом классе, во Львове прошел первый смотр-конкурс музыкальных школ-десятилеток, училищ и консерваторий Украины. От нашей школы поехало несколько скрипачей и пианистов, из Одессы Евгений Могилевский — он на год младше меня. Мы поделили первую премию, хотя там выступали музыканты из старших классов и даже из консерваторий — Киевской, Львовской, Харьковской, Одесской. А через полгода мы играли еще на одном конкурсе: я — свою программу, Женя — Тарантеллу Листа. И он занял первое место, а я получил скромный диплом: меня это сильно задело.

Бабушке, с которой я туда приехал, педагоги сказали: «Очень музыкальный мальчик, но ему не хватает техники: это программа не его уровня». Выходить со мной на следующий уровень Марии Владимировне было уже тяжеловато. И я сам взял новую программу: *Лунную* сонату Бетховена, Сонату ля мажор Моцарта, Второе

2

скерцо и этюды Шопена. Стал учить и понял, что мне уже и этого мало. Мария Владимировна, хоть и с плачем, отпустила меня, позволив самостоятельно заниматься более серьезными программами. Я взялся еще и за Первый концерт Листа (Второй так никогда и не сыграл). Это казалось необычным — в моем возрасте так никто не делал, особенно на периферии; а мне только исполнилось пятнадцать. Я сыграл концерт Листа с оркестром Харьковской филармонии под управлением Евгения Дущенко. Получилось так, что этот технический скачок был сделан мною практически без посторонней помощи.

Во второй половине пятидесятых у всех на слуху была газетная заметка *Моцарт? Нет, Алеша Наседкин*. Из нее мы узнали, что в Москве живет такой вундеркинд, учится у Анны Даниловны Артоболовской и даже сочиняет музыку. Но когда Мария Владимировна съездила в столицу, более сильное впечатление на нее произвели ученики Анаиды Степановны Сумбатьян: Володя Ашкенази, Оксана Яблонская, Митя Сахаров. «Это уникальный педагог, вот у кого тебе бы учиться», — сказала Мария Владимировна.

Конечно, в ЦМШ тогда были и другие, не менее сильные преподаватели — например, Татьяна Евгеньевна Кестнер или Илья Миронович Клячко, потрясающий музыкант. Но в 1955 году семнадцатилетний Ашкенази получил вторую премию на Конкурсе имени Шопена (члены жюри Лев Оборин и Артуро Бенедетти Микеланджели тогда в знак протеста отказались подписать итоговый протокол, выступая против присуждения первой премии польскому пианисту Харасевичу вместо отодвинутого на второе место Ашкенази). Еще через год Володя завоевал первую премию на Конкурсе в Брюсселе, и имя Анаиды Степановны стало известно всем. Когда мы с мамой в очередной раз побывали в Москве, меня показали замечательному педагогу из Гнесинской школы Борису Моисеевичу Берлину, а затем — Анаиде Степановне. Я сыграл ей программу, она со мной позанималась и обещала взять в свой класс, если поступлю в ЦМШ.

Восьмой класс я закончил в Харькове круглым отличником. Это в первую очередь заслуга мамы: она понимала, что учиться мне ничего не стоило, и, хотя обожала меня, воспитывала очень строго. Помню, как я рыдал, получив в первом классе двойку: «Меня мама убьет!». Стоило мне принести четверку, мама бегала за мной с полотенцем, чтобы отшлепать, и кричала: «Проклятый двоечник!». В школе маму любили и очень ценили ее старания. Поэтому мне выдали документы, по которым я в случае неудачи в Москве мог вернуться и продолжить учебу.

Наступил день моего выступления в филармонии с концертом Листа. Назавтра мы должны были ехать в Москву: днем позже мне предстоял приемный экзамен. Перед выходом на сцену у меня очень болел живот, но подобное случалось часто, и никто беспоко-

иться не стал. Я сыграл, мы приехали домой, и у меня начались сильнейшие боли: и мама, и тетя — детский хирург — быстро определили приступ аппендицита. Однако через несколько часов он закончился, и мы на свой страх и риск отправились в Москву.

Так судьба помогла мне попасть в Москву и поступить к Анаиде Степановне в девятый класс ЦМШ. Там я тоже старался учиться только на «хорошо» и «отлично»: это давало право на повышенную стипендию, очень помогавшую нам с мамой в ту пору. По общеобразовательным предметам наша харьковская школа опережала ЦМШ, и быть отличником не составляло для меня большого труда. Почти весь учебный год я фактически занимался повторением: одноклассников еще только ждал материал, уже пройденный нами в Харькове. Ребята относились ко мне хорошо, я часто «спасал» их — особенно на уроках по истории России, которую очень любил.

«Дети подземелья» — этот образ вспоминается мне, когда я думаю о нашем с мамой переезде в Москву. Первые полтора месяца мы провели у моего дяди, он жил с женой и младшей дочерью в коммунальной квартире. В их комнату въехали еще и мы: мама спала на раскладушке, я — под столом... Потом сняли угол в подвале, расположенном наискосок от кинотеатра *Ударник*, в Старомонетном переулке. Там, где Большая Полянка переходит в Малый Каменный мост, был огромный дом с пингвинами — рекламой советского мороженого. А во дворе стоял двухэтажный флигель, там мы и жили: небольшая комната в подвале — в одной половине хозяин, в другой мы с мамой. Однажды соседи отмечали 8 Марта и устроили пьяный дебош. Нас буквально чуть не убили, пришлось перебираться в Черемушки — там мы сняли комнатку в коммуналке. Оттуда мы переехали в двенадцатиметровую комнату на Ленинском проспекте, и только там появилась возможность поставить пианино. Я учился уже в одиннадцатом классе.

Заниматься я ездил в школу, к семи утра или к половине восьмого. Затем начинались уроки по общеобразовательным предметам, после чего я искал пустой класс, где мог бы заниматься еще. А вечерами ходил на концерты: мама купила мне все абонементы, какие смогла. Так строилась новая жизнь, привыкать к которой поначалу было очень трудно: в Харькове я слыл местным гением и вундеркиндом, а в ЦМШ таких — десятки. В те годы там был особенно сильный фортепианный отдел: годом старше меня учились Николай Петров, Алексей Черкасов, Валерий Камышов, Алексей Ясинский, Светлана Богино, Наталия Делициева. Двумя классами старше — Александр Слободяник. В моем классе — Виктория Постникова, Борис Фрумкин, уже тогда интересовавшийся джазом, и Михаил Гусев — также знаменитый джазовый пианист. Чтобы выделяться на их фоне, приходилось прикладывать большие усилия.

Крайнев Владимир Всеволодович

Монолог пианиста:
КОГО ПОМНЮ И ЛЮБЛЮ

Редактор *О. Гусева*
Дизайн *Д. Аникеев*
Корректор *Л. Кройтман*
Верстка *Л. Иванова*

ИБ 6575

Подписано в печать 10.03.11. Формат 70x100/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Helios. Печать офсетная. Объем
печ. л. 12,0. Тираж 1000 экз. Изд. № 17026. Заказ

ISBN 978-5-7140-1212-9

9 785714 012129

ОАО «Издательство «Музыка», 123001,
Москва, Большая Садовая, д. 2/46
Тел.: (495) 644-0297. Тел./факс: (499) 254-6598
www.music-izdat.ru

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»